

МАРТЫНЕНКО Лариса Борисовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры
истории русской литературы, теории литературы и критики
Кубанского государственного университета,
г. Краснодар, Россия

Larisa B. MARTYNENKO
Cand. Sci. (Folklore Studies), Assoc. Prof.,
Department of the History of Russian Literature,
Literary Theory and Criticism, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
pavel_lider@mail.ru

АВДЕЕВ Сергей Сергеевич
студент филологического факультета
Кубанского государственного университета,
г. Краснодар, Россия

Sergey S. AVDEEV
Student, Philological Faculty,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
pavel_lider@mail.ru

Мифологизированный образ Мороза в русском фольклоре и литературе XIX – начала XX века

В статье рассматривается мифологизированный образ Мороза в различных жанрах русского фольклора, а также в произведениях В. Ф. Одоевского, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова и С. А. Есенина. Делается вывод, что русские писатели и поэты, опираясь на народные мифологические представления о Морозе, по-своему интерпретировали характер этого персонажа и его взаимодействие с человеком.

Ключевые слова: мороз, обряд, ритуальные приговоры, загадки, поговорки, пословицы, сказки, вариативность, контаминация, архаичная стихия, мифологические представления.

В славянской культуре стихия Мороза имела сакральное значение, ведь от этого природного явления зависело как количество, так и качество урожая, а, следовательно, и сама жизнь простого крестьянина. На протяжении многих лет в сознании народа формировался образ старика Мороза, или, как

Mythologized Image of Moroz (Frost) in Russian Folklore and Literature of the 19th – Early 20th Centuries

In this article the mythologized image of Moroz in various genres of the Russian folklore and also in V. F. Odoevsky's, N. A. Nekrasov's, A. P. Chekhov's and S. A. Yesenin's works is considered. The conclusion is drawn that the Russian writers and poets relying on national mythological ideas about Moroz interpreted this character and its interaction with the human person in their own way.

Keywords: frost, ceremony, ritual sentences, riddles, sayings, proverbs, fairy tales, variability, contamination, archaic elements, mythological ideas.

его еще называли, Трескуна и Студенца, что, конечно, отразилось в народных преданиях и поверьях.

Известный фольклорист XIX в. А. Н. Афанасьев в своем фундаментальном труде «Политические воззрения славян на природу» пишет: «Морозко, говорят крестьяне, – ни-

зенький старичок с длинной седой бородой; зимой бегает он по полям и улицам и стучит: от его стука начинаются трескучие морозы и оковываются реки льдами; если ударит он в угол избы, то непременно бревно треснет [2, с. 313]. Ученый подчеркивает, что могучие силы природы представляются народному воображению живыми существами. Афанасьев описывает обряд кликанья Мороза накануне Рождества и на Велик день *<Пасху>*, когда старший представитель крестьянской семьи зазывает Мороз на трапезу и угощение ритуальной пищей. У русских чаще всего в качестве ритуальной пищи выступал овсяной кисель, но бывало зазывали кутьей, блинами, похлебкой или щами – мотивировано это было местностью и наличием нужных продуктов. Ритуал обязательно сопровождался закличкой, которую, как правило, исполнял самый статусный человек в доме. Особое значение имели места исполнения этого обряда. Зазывали в открытые окна, выходили на порог, на крыльце, в огород или звали Мороз в печную трубу – все это пространственные ориентиры, означающие переходную границу между мирами. Ученые отмечают, что обряд кликанья Мороза сохранялся в традиционной культуре русских вплоть до начала XX в. Так, кубанский этнограф Н. И. Бондарь пишет, что на Кубани приглашение/гуканье Мороза во многих станицах осуществлялось именно на Рождественскую вечерю, а словесный текст заклички, «несмотря на вариативность “формы”, достаточно однотипен по сути. Например: «Мороз, Мороз! Иды до нас кутюй йисты! Та ны морозъ наших ны тыляток, ны курчаток, ны поросыток, ны нас. А ны идэш кутюй йисты, так и ны морозъ» [3, с. 20]. Итак, Мороз – древняя могущественная стихия, на которую человек пытается повлиять во благо своей семьи.

В разнообразных жанрах русского фольклора нашли отражение архаичные представления славян о многофункциональности образа Мороза. А. Н. Афанасьев отмечает, что «народная загадка изображает Мороз в виде могучего богатыря, равного силами Самсону: «сам Самсон, сам мост мостили – без топора, без клинья, без подклиниья» [2, с. 561]. В загадках подчеркивается древность и мощь Мороза: «Старик у ворот, тепло уволок». Сам не бежит

и стоять не велит» [8, с. 227, № 2075], его необычное мастерство – «Без рук, без ног, а рисовать умеет» [8, с. 227, № 2079]. В сборнике Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа» приводится очень интересная загадка о беспощадной жестокости Мороза: «Стоит дуб без корня, без ветвей, сидит на нем птица вран; пришел к нему старик без ног, снял его без рук, заколол без ножа, сварил без огня, съел без зубов [8, с. 227, № 2077]. Составитель сборника в примечании к данному тексту указывает: «Сходна с загадкою о человеке и смерти в «Беседе трех святителей» [8, с. 326].

О невероятной силе Мороза говорит поговорка «Мороз и железо рвет, и на лету птицу бьет». А пословица «Мороз не велик, да стоять не велит» свидетельствует о том, что даже небольшой мороз способен вызвать у всех дискомфорт. А немощность, за которой скрывается недюжинная сила, представлена в пословице «Мороз не дюж, а всякого гнет» [5, с. 348].

Ярко раскрывается образ Мороза в русской народной волшебной сказке «Морозко», имеющей десятки сюжетных разновидностей. Вариативность сюжета зависела от региона, национальности, традиций и других факторов, но как бы то ни было, фабула оставалась неизменна и лишь приукрашалась некоторыми деталями. Так в сказке статичны образы несчастной падчерицы, злой мачехи, ее дочери (или дочерей), старика, неспособного противостоять сварливой жене, и, конечно же, самого Мороза. По сюжету мачеха приказывает старику избавиться от падчерицы, отвезя ее в лес на трескучий мороз. Эта прихоть исполняется, и вскоре к замерзающей девочке приходит, «перескакивая с ветки на ветку» (аллюзия на Мировое Древо), Морозко, который

трижды спрашивает: «Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?» [14, с. 196]. За то, что вежливо и безропотно отвечала ему, она получает вознаграждение – соболью шубу, «злато-серебро» и короб с подарками. Узнавшая об этом мачеха немедля отправляет свою родную дочь туда же, но нахальная и алчная девушка общается с Морозко неуважительно и высокомерно, за что тот замораживает ее. Конец сказки всегда одинаков – домой старик привозит лишь холодное тело Ленивицы. Примечательно, что предвосхищает события маленькая собачка. Она настойчиво повторяет человеческим голосом то, что падчерица будет одарена богатыми дарами, а от мачехиной дочери привезут в мешке одни косточки. Фольклорист В. П. Аникин отмечает: «В сказочной истории о стойкости и терпении сироты, о суровом Морозке, то благожелательном, то беспощадном, раскрывается мысль: притесняемые, те, кто стоек, будут счастливы» [1, с. 35].

Свое видение народной сказки представил Владимир Федорович Одоевский в замечательной авторской сказке «Мороз Иванович» (1847). Писатель переосмыслил народный сюжет, более подробно раскрыл характеры героев через развернутые диалоги и поступки, добавил новых персонажей – волшебную печь и яблоню с золотыми плодами. Злая мачеха трансформировалась в няньку Прасковью, а собака – в петуха. Изменилась и локация –

вместо заснеженного леса появляется колодец, в который Рукодельница по нечаянностироняет ведро. Она вынуждена спуститься за ним, но, достигнув дна, оказывается не в воде, а в чудной стране. Именно в ней, по народным поверьям, и обитает Мороз во время летней жары, ибо «вода в колодце всегда студеная». Рукодельница встретилась с седым-седым стариком Морозом Ивановичем, который сидел «на ледяной лавочке да снежные комочки ел; тряхнет головой – от волос иней сыплется» [11, с. 271]. Живет старик в прекрасном ледяном доме, спит на перине из пушистого снега, под которой до поры до времени спрятана зеленая травка. Доброй девочке Мороз Иванович подробно рассказывает о том, зачем он зимой по улицам ходит да в окошки стучится: он заботится о людях, чтобы они «не забывали печей топить, да трубы вовремя закрывать»; и чтобы те, кто находится в тепле, помнили о бедных и «им помогать не забывали» [11, с. 273]. Рукодельница ведет себя уважительно по отношению к древней стихии, за что после трехдневной честной службы получает вознаграждение: «горсть серебряных пятачков» и «брильянтик – косынку закалывать». Конечно, такое положение дел не устраивает Ленивицу, которая тоже хочет познать щедрость Мороза Ивановича, притом ничего не делая. Три дня она выполняла указания старика «спустя рукава» и, в конце концов, потребовала награду. Но Мороз не так прост – он все время делал вид, что не замечает небрежного ведения дел, и одаривает ее, казалось бы, еще большими ценностями, многозначительно добавляя: «какова твоя работа, такова будет тебе и награда» [11, с. 277]. И только вернув-

вшись на поверхность, хвастаясь перед всеми полученными подарками, Ленивица осознала – у нее в руках не что иное как ртуть, которая начала таять в тепле. Завершает повествование петух, прокричавший, что у Ленивицы в руках ледяная сосулька.

Итак, Одоевский смягчил финал народной сказки и привел сюжет в более четкие логические границы. Характеры героев прописаны более подробно, оттого исчезает некоторая «кукольность», присущая народной сказке. В обработке писателя она стала более нравоучительной и гуманной. По верному замечанию Е. В. Душечкиной: «В педагогической сказке Одоевского обрядовый Мороз и сказочный Морозко превращены в доброго, но справедливого воспитателя и наставника» [6, с 1]. Авторская позиция в тексте четко обозначена, имеет место быть познавательная и назидательная направленность. Однако, писатель не отходит от фольклорной традиции. Его «Мороз Иванович» имеет много общего с немецкой сказкой из сборника братьев Гrimm «Госпожа Метелица» (нем. Frau Holle). Сюжеты тесно переплетаются, но персонификация зимы проявляется в них в разных образах – мужском и женском соответственно. Следует отметить, что госпожа Метелица, как и Мороз Иванович Одоевского, не уничтожила, а лишь проучила Ленивицу: опрокинула на нее пол-

ный котел смолы, которая «на ней так на всю жизнь и осталась» [4, с. 86]. Можно сделать вывод, что сказка Одоевского основана на ориги-

нальной контаминации русской и немецкой народных сказок о стихии Холода.

В поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» (1863) образ Мороза еще более многозначен и многофункционален. По сюжету крестьянин Прокл умирает, покинув жену Дарью, детей и пожилых родителей. Вся тяжелая работа легла на плечи вдовы. Ей необходимо отправиться в лес по дрова, но даже за работой скорбные мысли не выходят из головы. Она трудится, а слезы все льются из очей. Важно подчеркнуть, что Некрасов прекрасно знал народные верования и приметы. Дарья едет в лес по дрова, чтобы из царства смерти привезти живое тепло в свою избушку, которая «настудилась» из-за присутствия в ней мертвца. Парализованная горем, она мысленно общается с мужем, вспоминает свое прошлое и с тоской думает о будущем. Совершенно изможденная, крестьянка прислоняется спиной к высокой сосне и замирает под ней «без думы, без стона, без слез» [9, с. 102]. В. А. Сапогов в своей монографии «Анализ художественного произведения» считает, что эпизод с застыанием героини связан с образом «мировой вертикали», что восходит к мифологическим представлениям славян [13, с. 28–29]. Земной путь – это всегда движение по горизонтали, переход же в «иной мир» есть вертикаль. Именно такая организация пространства показана в последней сцене. Прокл – в могиле (внизу), душа Дары отлетает вверх, в небо, на что указывают слова «...И видишь ты синий / Свод неба да солнце.» И по этому Мировому Древу спускается Мороз: «И вдруг очутился над нею, над самой ее головой, забравшись на сосну большую». И это уже далеко не сказочный персонаж. Он властитель леса, «Мороз-воевода», в обязанности которого входит полный контроль над стихией. Увидев в своем мертвом царстве (а холод в произведении Некрасова всегда связан со смертью) гостью, он начинает петь хвастливую песню о себе. В ней он предстает мастеровитым зодчим, способным строить ледяные дворцы и мосты над быстрыми реками, озорником («А пьяных, и конных, и пеших дурачить еще веселей»), богачом («Я царство мое убираю в алмазы, жемчуг, серебро») [9, с. 104]. Но кроме этого он еще любит «в глубоких могилах покойников в иней

рядить, и кровь вымораживать в жилах, и мозг в голове леденить» [9, с. 104]. Сей факт мало роднит его со сказочным Морозко. Единственное, что связывает его с народной сказкой, так это наличие троекратного вопроса «Тепло ли тебе, молодица?» в диалоге с Дарьей. Она отвечает по всем сказочным правилам, что ей совершенно не холодно, дабы не разгневать могущественную стихию. Но от некрасовского Мороза пощады ждать не приходится. Он превращается в Прокла и, соблазняя Дарью сладкими речами, уводит в прекрасный летний сон, где все члены ее семьи живы и счастливы. Мороз создает пленительную иллюзию, в которую Дарья полностью погружается и уже не в силах вернуться в реальность. Она погибает с улыбкой на устах, преисполненная душевного покоя. Итак, Мороз в поэме – жестокая стихия со своими принципами и представлениями о справедливости. Героиня была вежлива с ним, но он губит ее, лишь одаривая последним счастливым жарким летним сном.

К сказочному сюжету о Морозко обратился и С. А. Есенин в стихотворении «Сиротка» (1914). Девочка Маша, живущая со злой мачехой и коварной сестрицей, несчастна и бедна. Она хотела бы умереть или уйти из дома, но все дороги для нее закрыты. Она выходит на крыльце и плачет горькими слезами, которые, падая на землю, превращаются в драгоценный жемчуг. Увидев это, Маша немедля собирает чудесный подарок. И вдруг к ней подбегает седой старик и говорит: «где-то здесь вот на крылечке позабыл я жемчуга» [7, с. 183]. Конечно же, это сам Мороз. Девочка сразу признается, что она его собрала, и хочет вернуть. Дедушка останавливает ее, объясняя, что это он пожалел ее и одарил драгоценным бисером на бусы, а за честность и искренность она может оставить его себе. К тому же он «озлобленным дыханием» застудил мачеху и ее ленивую и коварную дочь. Маша предает их земле, а сама выходит замуж за короля. Это произведение не похоже ни на народную сказку, ни на адаптацию Одоевского, ни на видение образа Мороза Некрасовым. Старик не заставляет девочку работать за вознаграждение и не пытает ее холдом, трижды интересуясь, тепло ли ей. Он не скачет по деревьям, не поет про себя хвалебных песен, не запугивает – он

нежно разговаривает с героиней и сочувствует ей. Мороз произносит: «За тебя, моя родная, стало больно мне невмочь». Какова стихия Холода у Есенина? Мы видим, что персонаж справедлив, но в то же время он жесток и категоричен, ему ничего не стоит по своей воле убить людей. Сам герой дает себе такую характеристику: «Я ведь, Маша, очень добрый, / Я ведь дедушка-мороз» [7, с. 184]. Да, он очень добр с притесняемыми, но крайне зол с притесняющими. В его образе мало волшебного и сказочного, внешне он похож на обычного человека, а о волшебных действиях мы узнаем только из его слов. Тем не менее, чувствуется, что есенинский Мороз могуществен иуважаем, это влиятельная стихия, способная на все.

Снова обратимся к Н. А. Некрасову, к его произведению «Крещенские морозы», входящему во вторую часть цикла «О погоде» (1865). Здесь вообще нет сказочных мотивов, отсутствует персонификация: Мороз – это уже не сказочный старик с седой бородой, живущий в лесной чащбе, а грозное погодное явление. В стихотворении показана жестокая реальность – Мороз не щадит никого и ничего. Он не смотрит на праведность и греховность, здоровье и болезни, на возраст – беспощаден ко всем. Отморозить щеки и уши уже не так страшно, гораздо страшнее другое: «Целиком христианские души часто гибнут теперь...» [10, с. 187]. Каждый день в столичных газетах появляются имена новых жертв «хладнокровного убийцы». Ими могут оказаться и часовой, и мальчишка, ненароком уснувший в санях, и бедняк у подъезда. Все боятся Мороза и прогнивают его. Бедняки пытаются «песней» изгнать «лютого убийцу» из сырых подвалов, от «голодных, больных, озабоченных,ечно трудающихся, / Уходи, уходи, уходи!» [10, с. 188]. Некрасовская «песня» очень напоминает народные приговоры, в которых звучит просьба, обращенная к Морозу, не приходить в неурочное время, не морозить скотину и людей: «А в некоторых приговорах даже звучит мотив угрозы Морозу: «Цепом голову проломлю, метлой очи высеку!» [12, с. 198]. Автор пытается найти положительные стороны этой стихии, но говорит о них иронично, потому что назвать их плюсами сложно. Например, он пишет, что «зимой умирать хорошо», потому что

покойник на холоде «дольше важный свой вид сбережет», а кладбище будет покрыто белым снегом, не будет грязи, и похоронная музыка на морозе будет звучать чище и звонче. Природа в белом саване выглядит пышно и величественно, дышать зимой вольно, люди ведут себя проворнее, а лошади, даже самые слабые, скачут быстрее, подгоняемые стужей. Но по сравнению с бедствиями, которые приносит стихия, эти доводы ничтожны. Становится понятен первобытный страх наших предков перед ней. Некрасовский Мороз не жалеет никого – да, он велик и могуществен, но своенравен и беспощаден.

Впрочем, таков же Мороз в одноименном рассказе А. П. Чехова (1887). Из-за крещенского мороза «градусов в 28 с ветром» чуть не отменяют народное гулянье, которое с таким трудом было спланировано. От него «побелели деревья, лошади, бороды», даже воздух трещал, «не вынося холода». Городской голова Егор Иваныч называет такую погоду «сущей казнью» и считает, что это наказание Божье за летние грехи. Губернатор же говорит, что «мороз укрепляет человека, бодрит» и вообще он имеет всевозможные «прелести». Так, многими хорошими качествами русский народ обязан именно этому природному явлению, потому что отчаянная борьба за существование закалила его характер. Егор Иваныч этого факта не отрицает, но все равно считает, что «лучше бы его не было». Ведь при таком морозе хорошо только сытому и одетому, а для нищих, рабочих людей это настоящее горе. К тому же в это время увеличивается бедность и преступность – «и вор хитрее, и злодей лютее» [15, с. 20].

В чеховском рассказе мороз – это грозная и могучая природная стихия, испытание которой прошли все главные действующие лица произведения. Городской голова, ныне знатный купец и миллионер, оставшись в раннем детстве сиротой, вынужден был за пятак в день в любую погоду водить по городу

слепую старушку. И самым страшным воспоминанием для него были морозы «жестокие, злющие», а от них: «Болит сердце, нет мочи терпеть, а во всем теле тоска, словно ты ведешь за руку не старуху, а саму смерть. Весь онемеешь, одеревенеешь, как статуй» [15, с. 20]. Много вытерпел он от мороза и в юности, будучи сидельцем в рыбной лавке, и уже хозяином маленькой лавчонки. Он с сожалением вспоминает, что порой от холода становился «жесточе мороза» и обижал близких. Стариk губернатор рассказал, что и он пострадал от мороза: «во время последней русско-турецкой войны, в одну морозную ночь отряд, в котором он находился, стоял неподвижно тринадцать часов в снегу под пронзительным ветром» [15, с. 22], и, чтобы не выдать себя, никто не мог развести огонь или закурить. Старый архиерей поведал, как он, служа в Сибири, ездил на собаках, и «как он однажды сонный, во время сильного мороза, вывалился из возка и едва не замерз» [15, с. 22]. Главное, что все три рассказчика, умудренные жизненным опытом, достигшие высокого положения в обществе, не застудили своих сердец, сохранили сострадание к близким: они сочувствуют «водовозам, школьникам, арестанткам в халатишках»; им хочется согреть и озябшего околоточного, и музыкантов, играющих на сильнейшем морозе с ветром.

Итак, очевидно, что Мороз как могучая и, в то же время, талантливая и всепроникающая стихия становится героем многих фольклорных и литературных произведений. Русские писатели и поэты старались следовать народным мифологическим представлениям о Морозе, однако, каждый привносил в этот образ новые детали. Они по-своему изображали характер этого природного явления и его взаимодействие с человеком. Главная идея русской литературы – глубоко гуманистическая: внимание и сострадание к близким, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации.

Использованная литература:

1. Аникин В. П. Русская народная сказка. М.: Прогресс-Книга, 1977.
2. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 1.

References:

1. Anikin, V. P., *Russkaya narodnaya skazka* (Russian Folk Tale), Moscow: Prosveshchenie, 1977.
2. Afanas'ev, A. N., *Mify, pover'ya i sueveriya slavyan. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* (Myths, Beliefs and Superstitions of the Slavs. Poetic Views of Slavs on the

3. Бондарь Н. И. Календарные праздники и обряды кубанского казачества. Краснодар: Кубанькино, 2003.
4. Братья Гримм. Сказки. М.: Художественная литература, 1991.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1989. Т. 2.: И-О.
6. Душечкина Е. В. Дед Мороз: этапы большого пути (К 160-летию литературного образа) // Независимый филологический журнал. 2001. № 47. С. 1-10.
7. Есенин С. А. Сиротка // Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Правда, 1977. Т. 2. С. 181-184.
8. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников; вступ. ст. и примеч. В. Аникина. М.: ТЕРРА, 1996.
9. Некрасов Н. А. Мороз, Красный нос // Полное собрание сочинений и писем: в 15-ти т. Л.: Наука, 1982. Т. 4. С. 77-109.
10. Некрасов Н. А. О погоде. Часть вторая. Крещенские морозы // Полное собрание сочинений и писем: в 15-ти т. Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 187-190.
11. Одоевский В. Ф. Мороз Иванович // Сказки народов мира: в 10-ти. М.: Детская литература, 1989. Т. VII: Сказки русских писателей. С. 269-277.
12. Русская мифология: энциклопедия / сост. Е. Мадлевская. М.: Эксмо; СПб; Мидгард, 2006.
13. Сапогов В. А. Анализ художественного произведения: поэма Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». Ярославль: Ярославский гос. педагогический университет, 1980.
14. Сказки народов мира: в 10-ти т. / сост. В. П. Аникин. – М.: Детская литература, 1987. Т. I: Русские народные сказки.
15. Чехов А. П. Мороз // Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955. Т. 5. С. 17-23.
- Nature), Moscow: Eksmo; Saint-Petersburg: Terra Fantastica, 2002, vol. 1.
3. Bondar', N. I., *Kalendarnye prazdniki i obryady kubanskogo kazachestva* (Calendar Holidays and Customs of the Kuban Cossacks), Krasnodar: Kuban'kino, 2003.
4. Grimm Brothers, *Skazki* (Fairy Tales), Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1991.
5. Dal', V. I., *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language), in 4 vols., Moscow: Russkiy jazyk, 1989, vol. 2.: I-O (from I till O).
6. Dushechkina, E. V., Ded Moroz: etapy bol'shogo puti (K 160-letiyu literaturnogo obrazu) (Father Frost: the Milestones (160 Years Literary Image)), *Nezavisimyy filologicheskiy zhurnal*, 2001, no. 47, pp. 1-10.
7. Esenin, S. A., Sirotna (Orphan), *Sobranie sochineniy*, in 3 vols., Moscow: Pravda, 1977, vol. 2, pp. 181-184.
8. *Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* (Puzzles of the Russian People: Collection of Puzzles, Questions, Parables and Objectives), Sadovnikov, D., Comp., Anikin, V., Foreword, Notes, Moscow: TERRA, 1996.
9. Nekrasov, N. A., Moroz, Krasny nos (Red-Nosed Frost), in *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*, in 15 vols., Leningrad: Nauka, 1982, vol. 4, pp. 77-109.
10. Nekrasov, N. A., O pogode. Chast' vtoraya. Kreshchenskie morozy (About the Weather. Part Two. Bitter Cold), in *Polnoe sobranie sochineniy i pisem*, in 15 vols., Leningrad: Nauka, 1981. Т. 2. pp. 187-190.
11. Odoevskiy, V. F., Moroz Ivanovich (Moroz Ivanovich), in *Skazki narodov mira*, in 10 vols., Moscow: Detskaya literatura, 1989, vol. 7: Skazki russkikh pisateley, pp. 269-277.
12. *Russkaya mifologiya: entsiklopediya* (Russian Mythology. Encyclopedia), Madlevskaya E., Comp., Moscow: Eksmo; SPb; Midgard, 2006.
13. Sapogov, V. A., *Analiz khudozhestvennogo proizvedeniya: poema N. A. Nekrasova «Moroz, Krasny nos»* (Analysis of the Literary Work: Nekrasov's Poem «Red-Nosed Frost»), Yaroslavl': Yaroslavskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 1980.
14. *Skazki narodov mira* (Tales of the Peoples of the World), in 10 vols., Anikin, V. P., Comp., Moscow: Detskaya literatura, 1987, vol. 1: Russkie narodnye skazki (Russian Folk Tales).
15. Chekhov, A. P., Moroz (The Frost), in *Sobranie sochineniy*, in 12 vols., Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1955, vol. 5, pp. 17-23.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Мартыненко Л. Б. Мифологизированный образ Мороза в русском фольклоре и литературе XIX – начала XX века [Электронный ресурс] / Л. Б. Мартыненко, С. С. Авдеев // Наследие веков. – 2015. – № 2. – С. 24-30. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Martynenko_Avdeev.pdf (дата обращения дд.мм.гг.).

Full bibliographic reference to the article:

Martynenko, L. B. and Avdeev, S. S., Mifologizirovannyy obraz Moroza v russkom fol'klore i literature XIX – nachala XX veka (Mythologized Image of Moroz (Frost) in Russian Folklore and Literature of the 19th – Early 20th Centuries), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 24-30. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Martynenko_Avdeev.pdf. Accessed Month DD, YYYY.